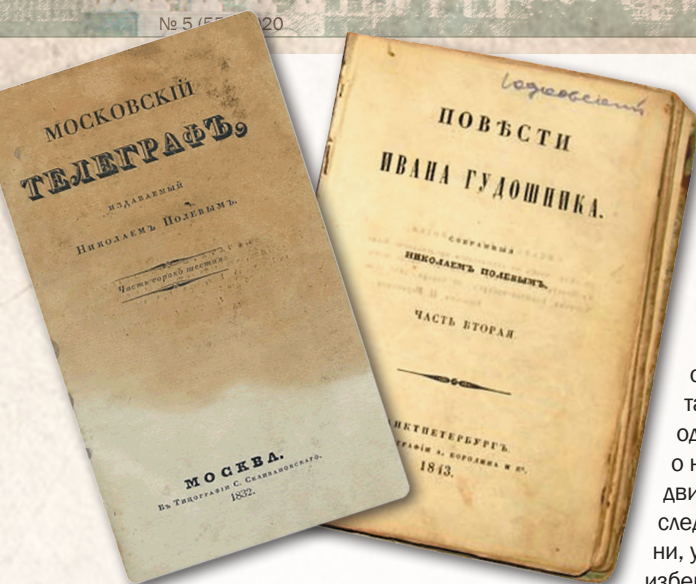

сле прибытия Полевого в Москву, начинается его бурная и весьма плодотворная литературно-редакторская деятельность, продолжавшаяся вплоть до преждевременной кончины в Санкт-Петербурге 22 февраля (6 марта) 1846 года.

Журнальная революция

Так чем же интересна личность Николая Полевого и почему сегодня о нём так мало знают? Первой неоспоримой его заслугой был вклад в отечественную журналистику. Интересно, что само слово «журналистика» придумал и ввёл в обиход именно наш герой. Так называлась рубрика в «Московском телеграфе», посвящённая обзору журналов. Сам же «Московский телеграф», основанный Полевым в 1825 году и анонсированный как «журнал литературы, критики, наук и художеств», оказался явлением из ряда вон – ничего подобного российская читающая публика ранее не знала. Это признавали все – как друзья, так и недруги. Относящийся к последним В. Белинский в статье, написанной уже после смерти Николая Полевого, отмечал: «Московский телеграф» был явлением необыкновенным во всех отношениях. Человек, почти вовсе неизвестный в литературе, нигде не учившийся, купец званием, берется за издание журнала – и его журнал с первой же книжки изумляет всех живостью, свежестью, новостью, разнообразием, вкусом, хорошим языком, наконец, верностью в каждой строке однажды принятому и резко выразившемуся

направлению. Такой журнал не мог быть незамеченным и в толпе хороших журналов; но среди мертвой, вялой, бесцветной, жалкой журналистики этого времени он был изумительным явлением. <...> Первая мысль, которую тотчас же начал он развивать с энергией и талантом, которая постоянно одушевляла его, была мысль о необходимости умственного движения, о необходимости следовать за успехами времени, улучшаться, идти вперед, избегать неподвижности и застоя как главной причины гибели просвещения, образования, литературы. <...> Полевой показал первый, что литература – не детская забава, что искание истины есть ее главный предмет».

Но это ведь не иначе как революция в журнальном деле – а что мы знаем об этом событии? Сегодня история российской журналистики – это огромное белое пятно, а ведь без её знания не только хронику событий невозможно восстановить или уяснить бытовавшие тогда в литературе нравы. Невозможно понять и литературную ситуацию в целом, каковой она была в реальности. Но мы всё же постараемся...

Причина забвения

Из слов Белинского видим, что как редактора, журналиста, а также катализатора творческой жизни Полевого признавали, по сути, все участники литературного процесса того времени. И, по идее, за то, что делал он столь нужное для всех дело, должны были быть ему благодарны. Но это в идеале. Реальность же далека от него. И главную роль здесь сыграло одно «но».

«Человек, почти вовсе неизвестный в литературе, нигде не учившийся, купец званием...» – отмечает Белинский. Как бы без задней мысли. Но мы наверняка не погрешим против истины, если скажем, что именно этот факт и стал камнем преткновения на пути нашего героя. То, что породило у его оппонентов чувство, с одной стороны, зависти, а с другой – собственного превосходства. Непри-

ятие стороннего авторитета, особенно когда этот авторитет исходит не из своей, а из чуждой среды. Такой эффект вызвало явление Полевого среди представителей так называемой «аристократической партии» – доселе главной движущей силы российской литературы.

До поры до времени оно не проявлялось, так как на первых порах смотрели на него как на диковину, а в основанном им журнале сотрудничали кн. Вяземский, Баратынский, Пушкин и другие аристократы. Но всё в один момент изменилось, стоило Полевому посягнуть на авторитет главного русского историографа Карамзина с его «Историей государства Российского». Собственной концепции Полевой посвятил труд под названием «История русского народа» (1829 г.). К сожалению, он остался незавершённым. И главная тому причина – обструкция, которой он подвергся со стороны «аристократической партии», в том числе Пушкина.

Его, что называется, закидали шапками. Единственной же мыслью этого действия была: да как он посмел? И ещё: а кто он такой? И ответ: нигде не учившийся купчишка, плебей-самоучка, одним словом – выскочка!

Но если вдуматься: что же такого сделал Полевой? Будучи неутомимым энтузиастом, он просто из чувства врождённой честности посмел не согласиться с общепринятым взглядом на русскую историю. Увидел его недостаточность. И даже не взамен, а в дополнение, как альтернативу, предложил своё видение. Полевой расширил оперативное пространство отечественной исторической науки, и за это его подвергли обструкции.

А результаты мы пожинаем по сей день: историка Полевого ныне мало кто знает, а ведь, помимо «Истории русского народа», ему принадлежат также «История Петра Великого» (1836–1843 гг.), «История князя италийского графа Суворова-Рымникского» (1843 г.), «История Наполеона» (1844–1848 гг.), «Русская история для первоначального чтения», книга «Русские полководцы». И это до Соловьёва, до Костомарова! Но по каким-то очень нехорошим причинам все эти памятники российской исторической мысли до сих пор пребывают в забвении.

Олег КАЧМАРСКИЙ